

чтобы миланцы принесли ему присягу въ вѣрности и *позволили* ввести въ городъ 4000 чел. войска. Горожане согласились-было на все, но потомъ испуганные перспективою пѣмецкаго нашествія, *furor'a teutonicus'a*, котораго они такъ боялись, завели переговоры съ феодалами и примирились съ ними (въ 1045 г.). Въ мирномъ условіи, правда, пришлось упомянуть о верховныхъ правахъ императора, но войскъ его уже впускать имъ не нужно было. Такимъ образомъ, сложный переплетъ соціальнаго антагонизма и національныхъ чувствъ сильно отражался на судьбахъ Милана въ первой половинѣ XI вѣка; вторая половина этого столѣтія дала ломбардской исторіи еще новые элементы, новое содержаніе.

III.

Последнее обращеніе горожанъ къ императору настолько подвело унавившій—было (послѣ пораженія Конрада II) императорскій авторитетъ, что послѣ кончины архіепископа-патріота Ариберта, выдержавшаго тяжелую борьбу съ Конрадомъ, — миланцы должны были принять навязаннаго императоромъ архіепископа Гвидона. Гвидонъ былъ отъявленнымъ симонистомъ и противникомъ реформы, вводимой подъ вліяніемъ Гильдебранда; онъ сталъ во главѣ миланскаго духовенства, извѣстнаго своею веселюю и отнюдь не аскетическою жизнью. Поддерживали Гвидона знатные феодалы, но большинство горожанъ его не любило, такъ какъ находилось подъ вліяніемъ реформаторскихъ идей, шедшихъ изъ Рима. Вотъ что пишутъ современникъ о тогдашнемъ миланскомъ клирѣ. „Миланскіе клирики погружались въ такихъ и столькихъ порокахъ, что одзали между ними былъ хоть одинъ достойный своего положенія. Одни со своими собаками и соколами предавались охотѣ, другіе содержали таверны, были безжалостными ростовщиками. Почти всѣ они вели постыдную жизнь съ женщинами, которыхъ они открыто сдѣлали своими женами или любовницами. Всѣ гвались не за пользою для Христа, но за пользою для себя; они настолько коснѣли въ симоніи, что всѣ степени и посты духовные покупались, какъ скотъ, за деньги“. Во всей Ломбардіи—въ Павіи, Асти, Брешии наблюдалось то же явленіе: